Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Пензенский государственный университет»

Юридический институт Кафедра «Правосудие»

Направление подготовки 40.03.01 «Юриспруденция»

Профиль «Правозащитная деятельность»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему: Домашний арест как мера пресечения

Студентка 18ЮЮ5 _____ Баркаева Анна Владимировна
номер группы подпись, дата фамилия, имя, отчество полностью

Научный руководитель доцент
должность

каф. «Правосудие» ФБОУ ВО ПГУ _____ Акулов Д.В.
наименование организации подпись, дата фамилия, инициалы

Консультанты:

по _____ _____ _____
наименование раздела, звание, должность подпись, дата фамилия, инициалы

по _____ _____ _____
наименование раздела, звание, должность подпись, дата фамилия, инициалы

по _____ _____ _____
наименование раздела, звание, должность подпись, дата фамилия, инициалы

Нормоконтролер: к.ю.н., доцент
каф. «Правосудие» _____ Вершинин В.Б.
должность подпись, дата фамилия, инициалы

Работа допущена к защите в (протокол заседания кафедры от ____ 202 №)

Заведующий кафедрой «Правосудие» _____ Терехин В.А.
название подпись, дата фамилия, инициалы

Работа защищена с оценкой _____(Протокол от ___ _____ 202 г. №__)

Секретарь ГЭК _____Вдовина Т.Е.
подпись, дата фамилия, инициалы

Пенза, 2022 г.

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Юридический институт
Направление 40.03.01 «Юриспруденция»

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой «Правосудие»

_____/ В.А. Терехин /
(инициалы и фамилия)
__ _____ 2022 г.

ЗАДАНИЕ
на выпускную квалификационную работу студентки гр. № 18ЮЮ5
_____Баркаевой Анны Владимировны _____
(фамилия, имя, отчество)

1. Тема работы: Домашний арест как мера пресечения
2. Научный руководитель: доц. каф. «Правосудие» Акулов Д.В.
3. Дата выдачи задания: 15.04.2022 г.
4. Срок сдачи студентом законченной работы: 26.05.2022 г.
5. Перечень подлежащих разработке вопросов:

5.1 Понятие, признаки и классификация мер пресечения в уголовном судопроизводстве России;

5.2 Исторический и нормативно-правовой аспект формирования и развития законодательства о домашнем аресте в российском государстве;

5.3 Особенности режима изоляции при применении домашнего ареста;

5.4 Вопросы избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста;

5.5 Проблемные аспекты контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избран домашний арест.

6. Консультанты по работе, с указанием относящихся к ним разделов работы:

Раздел	Консультант	Подпись, дата	
		Задание выдал	Выполненное задание принял
Введение		«15» апреля 2022 г. Акулов Д.В. _____ (подпись руководителя)	«22» апреля 2022 г. Акулов Д.В. _____ (подпись руководителя)
Теоретические основы системы мер пресечения в уголовном процессе Российской Федерации		«22» апреля 2022 г. Акулов Д.В. _____ (подпись руководителя)	«6» мая 2022 г. Акулов Д.В. _____ (подпись руководителя)
Домашний арест в правоприменительной практике: проблемы избрания и реализации		«6» мая 2022 г. Акулов Д.В. _____ (подпись руководителя)	«20» мая 2022 г. Акулов Д.В. _____ (подпись руководителя)
Заключение		«20» мая 2022 г. Акулов Д.В. _____ (подпись руководителя)	«26» мая 2022 г. Акулов Д.В. _____ (подпись руководителя)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 9

1.1 Понятие, признаки и классификация мер пресечения в уголовном судопроизводстве России 9

1.2 Исторический и нормативно-правовой аспект формирования и развития законодательства о домашнем аресте в российском государстве 17

2. ДОМАШНИЙ АРЕСТ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ 28

2.1 Особенности режима изоляции при применении домашнего ареста..... 28

2.2 Вопросы избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста 34

2.3 Проблемные аспекты контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избран домашний арест 44

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 53

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 57

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Как известно, отечественный уголовный процесс прошел длительный эволюционный путь, итогом которого стало современное российское уголовное судопроизводство. Российский уголовный процесс часто критикуют за недостаточную дифференцированность и приверженность единой процессуальной форме. Это распространяется и на функционирование такого фундаментального института, как институт мер пресечения. Ограниченность системы мер пресечения проявлялась практически на всех этапах развития российского уголовного процесса и закономерно вела к одному негативному последствию – избыточному применению самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу. К сожалению, исторически у данной меры пресечения было мало альтернативных вариантов. Одним из таких был и есть домашний арест, так и не получивший широкого, то есть сопоставимого по количественным показателям с заключением под стражу, применения.

В последнее время наблюдается медленная, но довольно устойчивая тенденция применения судами иных, более мягких мер пресечения, чем заключение под стражу. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в 2021 году было рассмотрено 7,9 тыс. (8,1 тыс. в 2020 году) ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, из них удовлетворено 6,8 тыс. (6,9 тыс. — 2020 г.). Кроме того, судом избран домашний арест в отношении 3,7 тыс. (3,9 тыс. — 2020 г.) лиц по результатам рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также в отношении 1,3 тыс. лиц (1,6 тыс. — 2020 г.) по результатам рассмотрения ходатайств о продлении срока содержания под стражей. Кроме того, в 2021 году судом применен домашний арест

(замена других мер пресечения) в период нахождения дела в судебном производстве в отношении 1379 лиц.[1]

Научная проблема. Несмотря на относительную законодательную урегулированность института домашнего ареста в Российской Федерации, в теории и правоприменительной практике остаются определенные правовые коллизии.

Ситуация особенно обострилась внесением существенных изменений в статью 107 УПК РФ, которые были направлены на устранение пробелов организационного и правового характера. Так, Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ введена новая мера пресечения - запрет определенных действий, ей посвящена в УПК РФ самостоятельная ст. 105.1. Этим же законом дана новая редакция ст. 107 УПК РФ «Домашний арест», которая, с одной стороны, усилила степень изоляции лица, помещенного под домашний арест, а с другой предопределила установление запрета или запретов и осуществление контроля за обвиняемым или подозреваемым. Можно сказать, законодатель предпринял попытку соединить конструктивные элементы обеих мер пресечения, плотно увязал изоляцию обвиняемого с возможностью дополнительно контролировать его поведение путем запрета, например, общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления. Соответственно, при данной трансформации домашний арест превратился в более жесткую меру пресечения, поскольку частичная изоляция заменена на полную, а вместо ограничений на какие-либо действия предусмотрен абсолютный запрет на них.

Данная нормативная модификация домашнего ареста, приблизившая его к заключению под стражу, поставила перед правоприменением задачу

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год. Сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120 (дата обращения: 20.04.2022 г.).

преодоления уже сложившихся стереотипов в трактовке конкретных положений, выражающих сущность данной меры пресечения.

Объектом исследования является совокупность уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих в связи с применением меры пресечения в виде домашнего ареста.

Предметом исследования выступают нормы, содержащиеся в различных нормативно-правовых актах, которые регламентируют предмет, основания, условия, порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, позволяющие законно и обоснованно применять данную меру.

Целью выпускной квалификационной работы является глубокое и комплексное изучение домашнего ареста как меры пресечения, рассмотрение возникающих проблем и противоречий, как теоретических, так и практических.

Вышеуказанная цель исследования обусловила постановку и решение в работе следующих основных **задач**:

— рассмотреть существующую систему мер пресечения в Российской Федерации;

— проанализировать исторический и нормативно-правовой аспект формирования и развития законодательства о домашнем аресте в российском государстве;

— определить понятие, сущность и характерные признаки домашнего ареста в системе мер пресечения в государстве;

— провести на основе действующего законодательства структурный уголовно-правовой анализ применения, а именно избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста;

— рассмотреть особенности контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избран домашний арест;

— проанализировать возникающие сложности в следственно-судебной практике при применении домашнего ареста и выработать актуальные

направления и предложения по дальнейшему совершенствованию действующего законодательства в данной области.

В **теоретическую основу** исследования легли труды известных отечественных юристов, правоведов, ученых-процессуалистов, а именно: Ю.Ю. Ахминовой, А.Е. Белоусова, А.Б. Диваева, Г.М. Резник, В.В. Рудич, В.С. Шадрина, Е.Л. Харьковского, Е.В. Салтыкова.

Нормативную основу исследования составили: Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации, Уголовный Кодекс Российской Федерации и другие федеральные законы, Постановления Конституционного Суда России и Пленума Верховного Суда России, Постановления Правительства РФ, действующие приказы, указания и другие ведомственные нормативные акты, относящиеся к выбранной теме исследования.

Методология исследования. При выполнении работы использовались как общенаучные методы (системный, исторический), так и частно-научные методы исследования, такие как формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой и другие.

Выпускная квалификационная работа имеет традиционную структуру и включает в себя: введение, основную часть, состоящую из двух глав, разбитых на параграфы, заключение и список использованных источников.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1.1 Понятие, признаки и классификация мер пресечения в уголовном судопроизводстве России

Уголовно-процессуальное принуждение — это способ воздействия на поведение участников уголовного судопроизводства, осуществляемое посредством использования самых разнообразных методов. Особое место в системе уголовно-процессуального принуждения занимают специальные средства, именуемые законом мерами уголовно-процессуального принуждения.

Законодатель закрепил эти меры в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, в разделе IV, отнеся к их числу три группы процессуальных мероприятий. Среди них, помимо задержания подозреваемого и иных мер процессуального принуждения, традиционно выделяется группа принудительных мер, называемых мерами пресечения.

Итак, мерам пресечения посвящена глава 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в которую входит 15 статей, регламентирующих основные положения о мерах пресечения: основания для избрания меры пресечения (ст. 97), виды мер пресечения (ст. 98), обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения (ст. 99), избрание меры пресечения в отношении подозреваемого (ст. 100), порядок вынесения постановления и определения об избрании меры пресечения (ст. 101), далее (ст. 102-109) постатейное перечисление существующих видов мер пресечения с их детальным описанием, а завершает главу статья 110, регулирующая порядок отмены или изменения меры пресечения.[1]

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - ст. 4921.

Изучение любого явления целесообразно начинать именно с определения его понятия. В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс РФ довольно подробно регламентирует вопросы применения мер пресечения, их виды, основания их избрания, продления и отмены. Вместе с тем, действующий Уголовно-процессуальный закон не содержит легального определения «мер пресечения». В отличие от УПК РФ, доктрина уголовного процесса изобилует различными определениями исследуемого понятия. Процессуалисты и специалисты в области уголовного права проводят собственные исследования, целью которых является установление истины, определение сущности дефиниции «меры пресечения» в ее наиболее актуальных аспектах.

Рассмотрим некоторые из существующих подходов. Так, например, по мнению А.С. Барабаш: «Меры пресечения — это предусмотренные законом средства воздействия на обвиняемого (подозреваемого), состоящие в определённых лишениях или ограничениям прав и свобод данных лиц, применяемые в целях установления истины по делу, воспрепятствования продолжения преступной деятельности и уклонению от отбывания наказания».[1]

Более развернутое определение принадлежит Э.К. Кутуеву: «Меры пресечения – это разновидность мер уголовно-процессуального принуждения, временно ограничивающих права личности, применяемых дознавателем, следователем, судом или судьей к обвиняемым (в исключительных случаях – к подозреваемым) для того, чтобы не дать им возможности скрыться от дознания, предварительного следствия, судебного разбирательства, приведения приговора в исполнение, воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу, продолжить преступную

[1] Барабаш, А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе /А.С. Барабаш // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №12. – С. 184.

деятельность».[1]

Практически аналогичное определение сформулировано Н.С. Мановой и А.И. Шестериковой, однако в нем содержится указание на дополнительный признак мер пресечения, а именно, на особый метод их воздействия на поведение подозреваемого или обвиняемого, выражающийся в виде его психического или физического принуждения.[2]

А.Е. Белоусов в своем исследовании обращает внимание на то, что меры пресечения носят характер процессуального принуждения (включая и моральное воздействие) с целью достижения конкретных, непосредственно отраженных в тексте закона задач, и обладают свойством превентивности.[3]

Подводя итог, следует сказать о том, что в основе большинства точек зрения по этому вопросу лежат привычные теоретические положения. Так, например, тезис о том, что меры пресечения относятся к категории мер процессуального принуждения, сомнению не подлежит — их принудительная природа вполне очевидна для ученых и процессуалистов. На этом еще в середине XX века делал акцент советский правовед, М.С. Строгович: «…под мерами пресечения следует понимать те принудительные меры, которые ограничивают личную свободу обвиняемого»[4]. По этой причине варианты определения понятия мер пресечения, озвученные в науке уголовного процесса в прошлом и выработанные теорией сегодня, в большинстве своем тождественны или, как минимум, не имеют существенных различий. Можно сказать, те

---

[1] Кутуев, Э.К. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред.проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – С. 184.

[2] Манова, Н.С. О соотношении оснований и целей применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве / Н.С. Манова, А.И. Шестерикова // Право. Законодательство. Личность. – 2014. – № 2(19). – С. 59.

[3] Белоусов, А.Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Белоусов Александр Евгеньевич. – Ижевск, 1995. – С. 25.

[4] Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – С. 150.

незначительные преобразования, с которыми столкнулось данное определение на протяжении десятилетий, в большей степени вызваны развитием и совершенствованием уголовного законодательства.

Так, наукой в течении долгого времени была изложена достаточно устойчивая концепция, на базе которой вполне можно было бы сформулировать и закрепить законодательное определение мер пресечения. Однако, как справедливо отмечает А.Б. Диваев «…законодатель, принимая ныне действующий УПК РФ, не пошел на это, что, по нашему мнению, является некоторым упущением».[1]

Таким образом, проанализировав разные подходы к определению понятия мер пресечения, можно выделить их ключевые признаки:

Во-первых, круг лиц, к которым могут применяться меры пресечения, ограничен, это обвиняемый и в исключительных случаях подозреваемый. В то время как иные меры процессуального принуждения могут быть применены помимо подозреваемого, обвиняемого также к потерпевшему, свидетелю, лицам, которые несут материальную ответственность за действия подозреваемого и обвиняемого, лицам, у которых находится арестовываемое имущество и к иным участникам уголовного судопроизводства в случаях неисполнения процессуальных обязанностей.

Во-вторых, меры пресечения имеют строго личный характер, поскольку ограничивают права и личную свободу самого обвиняемого (подозреваемого). Понятие «личная свобода» является собирательным и включает в себя свободу передвижения, общения, совершения определенных действий.

В-третьих, избрать меру пресечения могут только специальные субъекты (например, дознаватель, следователь, руководитель следственного

[1] Диваев, А.Б. Меры пресечения в уголовном процессе: теоретические основы / А.Б. Диваев. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 74.

органа, а также суд и т.д.) в пределах предоставляемых им полномочий на основании специального мотивированного процессуальные решения (постановления). Решение об избрании меры пресечения принимает то должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, а также в установленных законом случаях суд, который осуществляет функцию судебного контроля на стадии предварительного расследования или рассматривает уголовное дело в судебном заседании.

В-четвертых, меры пресечения могут быть избраны только при наличии специальных оснований, перечень которых закреплен в ст. 97 УПК РФ.

В-пятых, меры пресечения имеют двойственный характер, с одной стороны, – это принуждение, а с другой – это моральное воздействие на обвиняемого (подозреваемого).

Исследуя современную систему мер пресечения, стоит отметить ее стабильность. Большинство ее элементов, в том или ином законодательном закреплении, берут свое начало с XIX-XX вв. Помимо этого, система мер пресечения, установленная УПК РФ 2001 г., почти 17 лет не подвергалась никаким глобальным преобразованиям. Лишь в апреле 2018 г. был принят Федеральный закон[1], включивший в нее совершенно новую меру — запрет определенных действий. Введение новой меры пресечения является неординарным и масштабным событием для уголовного процесса, ведь за период действия современного УПК законодатель хоть и вносил изменения в процессуальную регламентацию порядка избрания некоторых мер пресечения (например, залога, заключения под стражу и т.д.), но сама система мер пресечения, представленная семью классическими мерами, оставалась неизменной.

---

[1] Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Собрание законодательства РФ. - 23.04.2018. - № 17. - ст. 2421.

На необходимость увеличения числа избираемых мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, указывал, в частности, Д.А. Воронов.[1] Ученый видел в этом решение проблем повышения эффективности уголовного судопроизводства, обеспечения прав лиц, вовлеченных в уголовный процесс, уменьшения количества жалоб граждан нашей страны в Европейский суд по правам человека в связи с необоснованным содержанием под стражей, а также экономии средств государственного бюджета, которые тратятся на содержание лиц в местах предварительного заключения.

Таким образом, в настоящее время уголовно-процессуальным законом Российской Федерации предусмотрен исчерпывающий перечень, состоящий из восьми мер пресечения, а именно:

1) подписки о невыезде;

2) личного поручительства;

3) наблюдения командования воинской части;

4) присмотра за несовершеннолетним обвиняемым;

5) запрета определенных действий;

6) залога;

7) домашнего ареста;

8) заключения под стражу

Данная законодательная конструкция обусловлена строгостью вышеуказанных мер: в представленном списке они располагаются в определенной хронологии, от наиболее мягкой до самой строгой.

Любое явление целесообразно рассматривать в систематизированном виде, поэтому в юридической литературе существует множество классификаций мер пресечения по различным основаниям.

Первое и наиболее распространенное деление основано на характере

---

[1] Воронов, Д.А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения / Д.А. Воронов // Российский судья. – 2016. – № 3. – С. 23.

принуждения. Данная типология была предложена одним из виднейших отечественных ученых в области уголовно-процессуального права, М.А. Чельцовым. Согласно его позиции, меры пресечения делятся на физически-принудительные и психолого-принудительные.[1]

Физически-принудительные меры пресечения являются наиболее интересным объектом исследования среди процессуалистов, в силу наибольшей распространенности и высокой степени вторжения в личную сферу, что потенциально чревато нарушением конституционных прав и законных интересов лица. Традиционно, к физически-принудительным относятся наиболее строгие среди перечисленных в ст. 98 УПК РФ меры пресечения – это домашний арест (ст. 107 УПК РФ) и заключение под стражу (ст. ст. 108-109 УПК РФ).

Психолого-принудительные меры пресечения имеют ряд особенностей, на рассмотрении которых следует остановиться более подробно.

Во-первых, правовая природа названных мер выражается в моральном обязательстве лица, в отношении которого они применены, вести себя надлежащим образом для достижения установленных УПК РФ целей;

Во-вторых, данные меры предусматривают ужесточение положения обвиняемого (подозреваемого) в случае нарушения им установленных ограничений путем применения более строгой меры пресечения (ст. 110 УПК РФ).

Помимо этого, для более глубокого понимания психолого-принудительные меры пресечения дифференцируются на три группы:

1) основанные на личном обещании самого обвиняемого. В эту группу целесообразно отнести самую лояльную с точки зрения ограничения прав и свобод граждан мера пресечения – подписку о невыезде и надлежащем

---

[1] Чельцов-Бебутов, М.А. Советский уголовный процесс : учебник для юридических высших учебных заведений / М.А. Чельцов-Бебутов. – Москва : РГБ, 2007. – С. 334.

поведении (ст. 102 УПК РФ).

2) основанные на имущественной ответственности. Ко второму подвиду психолого-принудительных мер пресечения относится залог (ст. 106 УПК РФ).

3) основанные на действиях третьих лиц. Данная группы психолого-принудительных мер пресечения включает в себя: личное поручительство (ст. 103), наблюдение командования воинской части (ст. 104), присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105) и залог, вносимый третьим лицом (ч. 3 ст. 106).

Иную позицию по разграничению мер пресечения высказывает профессор В.П. Божьев. Он делает акцент на различии мер пресечения в зависимости от степени ограничения прав и свобод личности на не связанные с лишением свободы (подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; залог) и лишающие (ограничивающие) свободы подозреваемого (обвиняемого) (домашний арест, заключение под стражу).[1]

Также, в научной доктрине существует подход, в основу деления которого положена специфика субъектного состава. Так, согласно данной позиции, существуют: общие (применимы ко всем категориям лиц – залог, содержание под стражей и т.д.) и специальные (например, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним) меры пресечения.

Одна из специфических классификаций предложена Е.С. Соколовым, который в зависимости от того, с какой целью применяется та или иная мера пресечения выделяет: ограничительные (направлены на ограничение

[1] Божьев, В.П. Уголовный процесс : учебник для вузов / В.П. Божьев [и др.] ; под редакцией В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. — 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – С. 173.

активного поведения субъекта, которые предположительно могут негативно отразиться на полноте и всесторонности предварительного расследования, к примеру, устранение возможности противодействия следствию путем уничтожения доказательств или воздействия на свидетелей и очевидцев), предупредительные (отсутствие ограничений, но данные меры предполагают негативные имущественные санкции за ненадлежащее поведение субъекта).[1]

Наличие такого многообразия мнений по данному вопросу свидетельствует о высокой степени разработанности темы «мер пресечения» в отечественной доктрине.

Подводя итог, следует сказать о том, что меры пресечения являются важнейшей составляющей уголовно-процессуального принуждения. Они имеют ключевое значение для обеспечения нормального движения уголовного судопроизводства. Это целостная функционирующая система, которая включает в себя действия по принудительному ограничению или лишению прав и свобод обвиняемого и подозреваемого. Вместе с тем сущность мер пресечения заключается в создании благоприятных условия для беспрепятственного отыскания истины по делу, обеспечении реальной ответственность виновного и пресечения его преступной деятельности.

Проанализировав систему мер пресечения в целом, необходимо перейти к рассмотрению непосредственного объекта данной работы, института домашнего ареста.

1.2 Исторический и нормативно-правовой аспект формирования и развития законодательства о домашнем аресте в российском государстве

Изучение истории развития того или иного института мер пресечения позволяет более глубоко и всесторонне разобраться в особенностях

[1] Соколов, Е.С. Понятие, виды и классификации мер пресечения в уголовном судопроизводстве России / Е.С. Соколов, В.С. Им // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 10-2(37). – С. 159.

существующего на сегодняшний день подхода к урегулированию соответствующего правового явления.

Изучение истории развития такой меры пресечения, как домашний арест, позволит установить причины возникновения и изменения норм права, регламентирующих указанную меру, а также ответить на вопрос о необходимости его существования и перспективах дальнейшего развития.

Институт домашнего ареста в российском государстве имеет глубокие исторические корни. Так, в различных интерпретациях он известен российскому уголовному процессу еще с XVII века.

Однако, большинство исследователей данного вопроса убеждены в том, что именно принятие Свода законов Российской империи 1832 года является отправной точкой официального закрепления домашнего ареста в качестве меры пресечения. Тем не менее, законодательное закрепление еще не способствовало эффективной реализации данного института на практике. Как оказалось, положения свода законов были недостаточно систематизированы, например, возникали сложности в разграничении домашнего ареста и полицейского надзора, поскольку существенных различий между ними не устанавливалось. Каждая из названных мер пресечения могла применяться в отношении обвиняемых в менее тяжких преступлениях, за которые могли быть назначены наказания в виде заключения в крепости, в смирительных домах или в тюрьме.[1]

Следующим законодательным актом, регулирующим общественные отношения в сфере применения домашнего ареста, стал Устав уголовного судопроизводства 1864 г. В отличие от Свода законов в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. предусматривалось семь мер пресечения. Хронология расположения норм строилась в зависимости от строгости,

[1] Ахминова, Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 /Ахминова Юлия Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 16.

начиная с меньшего: от отобрания вида на жительство, заканчивая взятием под стражу. В этой иерархии домашний арест занимал пятую строчку между залогом и взятием под стражу. Таким образом, законодатель подчеркнул суровость домашнего ареста по сравнению с иными мерами пресечения.

Как и ранее, среди иных мер пресечения, подразумевающих лишение свободы, домашний арест не получил широкого распространения. По данным известного советского правоведа, П.И. Люблинского, детально исследовавшего практику распространения домашнего ареста в России конца XIX в., в 1898 г. домашний арест был применен всего два раза, а в 1899 г. вообще не применялся.[1] Это объясняется несовершенством уголовно-процессуального законодательства, отсутствием четкой регламентации условий, оснований и порядка его применения, а также отсутствием законодательного регулирования порядка исполнения. Кроме того, отсутствовали необходимые условия для отбытия домашнего ареста, существовала острая нехватка караульной стражи, поэтому обеспечение надзора за лицами, находящимися под домашним арестом, было крайне невыгодным и нецелесообразным.

На недостатки указывал и В.С. Шадрин: «Авторы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. считали возможным ограничиться лишь упоминанием домашнего ареста среди мер, предпринимаемых судебным следователем, для воспрепятствования обвиняемым уклоняться от следствия. Какая либо процессуальная регламентация применения данной меры пресечения, да и определение понятия домашнего ареста отсутствовали». [2]

Локальный, то есть единичный характер применения домашнего ареста закрепил за ним статус привилегированной меры принуждения. В основной массе суд применял домашний арест к дворянам, чиновникам, офицерам и

[1] Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе [Текст] / П.И. Люблинскийт.-С.-Пб.: Сенат. Тип., 1906.
[2] Шадрин, В.С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения / В.С. Шадрин // Криминалистъ. – 2012. – № 1(10). – С. 45.

несовершеннолетним. В качестве места исполнения домашнего ареста применялось собственное место жительства, либо нанятое частное помещение. Таким образом, приоритетным основанием применения домашнего ареста являлся вид преступления и строгость назначаемого за него наказания, а условием – принадлежность к определенному сословию.

Новый виток в развитии законодательства о домашнем аресте произошел в XX веке.

Принятый 24 ноября 1917 г. Декрет о суде № 1 никак не освещал вопросы о мерах пресечения. В таком виде система мер пресечения просуществовала до принятия УПК РСФСР 1922 г., который (ст.ст. 146–164 УПК РСФСР 1922 г.) установил шесть мер пресечения, в том числе – домашний арест, вошедший в дальнейшем в систему мер пресечения, установленных УПК РСФСР 1923 г.[1]

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. предпринимаются первые попытки детально раскрыть содержание и сущность домашнего ареста. Так, в соответствии с положениями ст. 160 УПК РСФСР: «Домашний арест заключается в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому, с назначением стражи или без таковой».

Таким образом, анализ данной статьи позволяет выделить следующие характерные признаки домашнего ареста:

— рассматриваемая мера пресечения лишает лицо свободы передвижения, применяется в отношении обвиняемого, определяет место ее исполнения (на дому);

— существует два вида домашнего ареста – с назначением стражи или без таковой.

---

[1] Горбатых, И.М. О сущности и правовой природе домашнего ареста: исторический и современный аспекты / И.М. Горбатых // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2021. – № 3. – С. 93.

Для избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения следователь должен был учитывать «важность преступления, приписываемого обвиняемому, тяжесть имеющихся против него улик; вероятность возможного, со стороны обвиняемого, уклонения от следствия и суда или препятствования раскрытию истины; состояние здоровья обвиняемого, род занятий и другие обстоятельства».[1]

Тем не менее, многие вопросы применения домашнего ареста так и остались не разрешенными. Например, возможно ли совмещение ограничений и трудовой деятельности, каков механизм контроля за соблюдением условий рассматриваемой меры пресечения без назначения стражи и т. д.

Как и ранее, декларативный характер домашнего ареста и отсутствие его практической значимости поставили вопрос о целесообразности его дальнейшего законодательного закрепления. Долгие дискуссии процессуалистов закончились принятием Уголовно-процессуальный кодекса РСФСР 1960 г., в котором мера пресечения в виде домашнего ареста была полностью исключена.

Возрождение домашнего ареста на постсоветском пространстве наблюдается лишь в конце XX – начале XXI в. когда эта мера получила закрепление в новых уголовно-процессуальных кодексах Казахстана (1997), Беларуси (1999), Кыргызстана (1999), Азербайджана (2000), России (2001), Молдовы (2003), Таджикистана (2010), Украины (2012), Узбекистана (2014).[2] Появление домашнего ареста в законодательстве этих государств отражает их стремление заимствовать положительный дореволюционный опыт

---

[1] Попова, Л.Н. История развития домашнего ареста как меры пресечения / Л.Н. Попова // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 87.

[2] Савчук, Т.А. Эволюция уголовно-процессуальных норм и научных представлений о домашнем аресте / Т.А. Савчук // Эволюция государства и права: история и современность : Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 25–27 мая 2017 года / Ответственный редактор С.Г. Емельянов. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. – С. 447.

применения данной меры и расширить перечень альтернативных заключению под стражу мер пресечения. Анализ законодательства большинства стран постсоветской эпохи демонстрирует тождественный подход к определению сущности и порядка избрания домашнего ареста, взятый за основу из Модельного УПК для государств–участников СНГ. При этом современные уголовно-процессуальные нормы в отличие от законодательства дореволюционного и советского периодов не только определяют смысл домашнего ареста, но и устанавливают условия, порядок принятия решения о его избрании, содержат перечень правоограничений, которым подвергается лицо на период домашнего ареста. Иными словами, законодатель стремится избежать возможных теоретических пробелов, которые в конечном счете снизят эффективность и практическую значимость домашнего ареста.

Так, уголовно-процессуальные кодексы Азербайджана, Беларуси[1], Казахстана[2], Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана определяют домашний арест как изоляцию обвиняемого от общества, достигаемую посредством установления запрета выхода из жилища и других мер ограничительного характера. Проанализировав нормы о домашнем аресте в уголовно-процессуальных кодексах данных государств, отметим, что они в полной мере соответствуют этимологическому пониманию изоляции и позволяют достичь целей мер пресечения при менее строгом ограничении лица в правах, чем при заключении его под стражу. Ведь при домашнем аресте обвиняемый подвергается запретам, ограничивающим его

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021 г.) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. - 25.08.1999 г. - № 28-29. - ст. 433.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2022 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 04.06.2014. - № 15-II (2664-II). - ст. 88.

право на свободу передвижения, местонахождения, поведения и предусматривающим минимум социальных контактов.

В то же время действующая правовая регламентация домашнего ареста в названных государствах не способствует его широкому использованию, поскольку уголовно-процессуальные нормы этих государств демонстрируют одинаковый подход в порядке применения заключения под стражу и домашнего ареста. Такая ситуация приводит на практике к непониманию сущности домашнего ареста и игнорированию различий между названными мерами пресечения. Кроме того, значительным препятствием в избрании домашнего ареста является отсутствие механизма реализации сопровождающих его мер, неопределенность в субъектах, порядке и способах надзора за исполнением данной меры пресечения, неурегулированность вопросов жизнедеятельности обвиняемых, к которым такая мера применяется.

Остановимся более подробно на рассмотрении современного этапа функционирования домашнего ареста в Российской Федерации.

Как уже было сказано, в связи с взятым государством курсом на гуманизацию уголовной политики и введением в действие действующего УПК Российской Федерации, в 2001 году домашний арест был формально возвращен в систему мер пресечения. О формальности домашнего ареста можно судить по статистическим данным судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, согласно которым с 2002 по 2005 годы домашний арест избирался в 403 случаях, а с 2007 по 2010 годы в 1107 случаях, при том, что в это же время под стражу было заключено более 767,3 тыс. человек.[1]

[1] Архивные данные судебной статистики. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id= (дата обращения: 01.05.2022 г.).

К сожалению, стоит констатировать, что за сорокалетний перерыв был утрачен практический опыт применения домашнего ареста и в настоящее время приходится вновь активно восстанавливать и одновременно модернизировать данную меру пресечения.

Понятие и содержание домашнего ареста раскрывается в ст.107 УПК РФ. Первоначальная редакция определяла домашний арест как меру пресечения, суть которой заключалась в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого и обвиняемого. Помимо этого, устанавливался запрет на общение с определенными людьми, получение и отправку корреспонденции, ведение переговоров с использованием любых средств связи.

Однако подобную редакцию нельзя назвать удачной, поскольку законодатель не осветил ряд ключевых вопросов, регламентация которых затрудняла практическую реализацию положений ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Например, вне поля регулирования остались конкретные ограничения и запреты, устанавливаемые домашним арестом, а также сроки его применения. Кроме того, не было конкретной и исчерпывающей информации о месте, то есть о том, где именно должно пребывать лицо, подвергнутое ограничениям, связанным со свободой передвижения. Казалось бы, судя по названию меры пресечения, следовало полагать — в доме. Но что именно подразумевать под домом, отнюдь не ясно. Можно только догадываться, что следует иметь в виду, по крайней мере, какое-либо пригодное для проживания помещение, в котором обвиняемый, подозреваемый находится на законном основании.[1] Но не стоит забывать, что в доктрине уголовного процесса всегда предпринимались попытки обосновать мнение о том, что ограничения,

[1] Шадрин, В.С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения / В.С. Шадрин // Криминалистъ. – 2012. – № 1(10). – С. 46.

связанные с домашним арестом, могут быть избраны как по месту постоянного проживания подозреваемого или обвиняемого, так и по месту его временного проживания (дом отдыха, санаторий, база отдыха, гостиница и т. д.).

Несмотря на существование значительных теоретических пробелов, следующие правки в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в интересующей нас области были внесены спустя почти 10 лет, в декабре 2011 года. Сложно переоценить масштаб и значение данных изменений, вместо ранее действующих 3 частей, ст.107 УПК РФ увеличилась до 14. О благоприятности преобразований можно судить и по анализу статистических данных. Так, после вступления в действие названного закона количество ходатайств об избрании домашнего ареста резко возросло: со 101 ходатайства в 2008 г. до 3300 в 2012 г. Двукратный рост наблюдался в 2011–2012 годах, а за первое полугодие 2016 года было рассмотрено уже 1600 ходатайств (на 20% больше).

Посредством принятия поправок было дано более исчерпывающее определение «домашнего ареста». Итак, под домашним арестом понималась мера пресечения, которая избиралась по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения более мягкой меры пресечения и заключалась в нахождении в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором подозреваемый или обвиняемый проживал в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля. Помимо этого, были урегулированы иные процессуальные вопросы: срок домашнего ареста, порядок его продления, порядок избрания меры пресечения, конкретизированы налагаемые судом запреты и ограничения и т.д.

Позднее, новые изменения в законодательстве о домашнем аресте были приняты 18 апреля 2018 года. Государственной Думой Российской

Федерации принят Федеральный закон № 72-ФЗ[1], предусматривающий введение новой меры пресечения – «запрет определенных действий», а также существенные преобразования в отношении домашнего ареста. Уточнено его определение: если раньше домашний арест заключался в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества, то новая редакция ст. 107 УПК РФ определила форму ограничения свободы передвижения как изоляцию от общества в жилом помещении.

Подводя итог, следует сказать о том, что домашний арест — это феномен, который давно известен отечественному уголовному процессу. На протяжении всего своего существования данная мера пресечения была направлена на создание гуманной альтернативы заключения под стражу. Однако, на протяжении веков данная мера пресечения не получила особого распространения в силу недостаточного законодательного урегулирования и отсутствия практических механизмов реализации домашнего ареста. Статистически данные свидетельствуют о том, что количество лиц, помещенных под домашний арест, продолжает оставаться незначительным, по сравнению с заключенными под стражу.

Тем не менее, стоит отметить, что проведенная законодателем работа по совершенствованию и модернизации домашнего ареста, уже дает положительные результаты. По официальным данным Федеральной службы исполнения наказаний на 01.03.2022 г. на учете ФСИН России состояло более 7,6 тыс. лиц, помещенных под домашний арест.[2]

---

[1] Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Собрание законодательства РФ. - 23.04.2018. - № 17. - ст. 2421.

[2] Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Сайт Федеральной службы исполнения наказаний. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://fsin.gov.ru/structu-re/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS (дата обращения: 01.05.2022 г.).

Таким образом, изучив многовековую историю существования и развития института домашнего ареста, можно выделить следующие периоды его применения:

1. Период официального закрепления и применения домашнего ареста только к военнослужащим и к лицам, относящимся к привилегированным сословиям в царской и дореволюционной России.

2. Период исключения сословных ограничений и советский период (1917–1960 гг.), когда законодательно домашний арест предусматривался, вместе с тем широкого применения не находил в связи с новой идеологией.

3. Полное отсутствие законодательного закрепления порядка применения домашнего ареста (с 1960 по 2001 г.).

4. Судебно-состязательный порядок применения (с 2001 г. по настоящее время). Помимо этого, в рамках данного этапа целесообразно выделение изменений в УПК РФ, внесенных Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ, фактически определивших сущность домашнего ареста как полную изоляцию от общества.

2. ДОМАШНИЙ АРЕСТ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

2.1 Особенности режима изоляции при применении домашнего ареста

Итак, домашний арест заключается в нахождении обвиняемого (подозреваемого) в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя или на иных законных основаниях, с возложением предусмотренных законом запретов и осуществлением за ним контроля (ч. 1 ст. 107 УПК).

Таким образом, можно сказать, что основное содержание домашнего ареста состоит в строгом соблюдении режима изоляции. Помимо этого могут устанавливаться и иные ограничения и запреты (например: получать и отправлять любую почтово-телеграфную корреспонденцию; вести переговоры с использованием любых технических средств связи, за исключением переговоров с защитником, осуществляющим защиту прав и интересов лица, для общения со следователем, с дознавателем и контролирующим органом, а также за исключением телефонных переговоров, связанных с вызовом экстренных служб, сотрудников правоохранительных органов, сотрудников лечебных учреждений, с информированием контролирующего органа о каждом таком звонке; запрет на использование информационно-коммуникационной сети «Интернет» и т. д.).

Как справедливо отмечается в юридической литературе, домашний арест в прежней редакции разбит на две самостоятельные меры пресечения, предусмотренные отдельными статьями (105.1 и 107) УПК РФ, причем мера пресечения в виде запрета определенных действий, в соответствии со ст. 98 УПК РФ, является более мягкой, чем домашний арест.[1]

---

[1] Гричаниченко, А.В. Запрет определенных действий и домашний арест / А.В. Гричаниченко // Уголовное право. – 2019. – № 6. – С. 97.

В более ранней редакции ч.1 ст.107 УПК РФ домашний арест заключался в нахождении лица в полной или частичной изоляции от общества в жилом помещении с возложением ограничений и (или) запретов.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством домашний арест не может применяться без изоляции от общества. Поэтому форма применения домашнего ареста, когда обвиняемый мог в определенное время покидать жилое помещение для прогулки, посещать различные мероприятия и т. д., была преобразована в запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Иными словами, в настоящее время домашний арест характеризуется полной изоляцией от общества, в то время как запрет определённых действий – частичной.

Подобные новеллы в уголовном кодексе Российской Федерации вызвали активную критику.

Н.Н. Загвоздкина и С.А. Кузора в своей работе обращают внимание на отсутствие ясности в вопросе о назначении запретов определённых действий, а также в том, чем данная мера пресечения отличается от возможностей домашнего ареста в предыдущей редакции ст.107 УПК РФ.[1]

Так, М.В. Корнякова считает, что данная мера пресечения является «производной от содержания меры пресечения в виде домашнего ареста, соответственно происходит дублирование положений статьи, посвящённой домашнему аресту, что препятствует эффективному применению обеих мер пресечения».[2]

Внесение изменений и дополнение УПК РФ запретом определенных действий создало в правоприменительной практике определенные правовые коллизии, а также повлекло отсутствие единого подхода при вынесении

---

[1] Загвоздкин, Н.Н. Запрет определенных действий анализ правоприменительной практики / Н.Н. Загвоздкин, С.А. Кузора // Закон и право. – 2018. – № 12. – С. 84.

[2] Корнякова, М.В. Соотношение домашнего ареста и запрета определённых действий: проблема эффективности новой меры пресечения / М.В. Корнякова // Альманах молодого исследователя. – 2021. – № 10. – С. 72.

решений судами. Например, это вопрос о предоставлении прогулок лицам, в отношении которых избран домашний арест.

Например, Амурский областной суд, отказывая в удовлетворении жалобы стороны защиты на решение суда первой инстанции о лишении обвиняемой ранее предоставленного ей права на прогулку, указал, что по смыслу закона лицо, содержащееся под домашним арестом, находится в определенном ему судом жилом помещении в полной изоляции и с запретом покидать его за исключением определенных случаев. При этом действующим законодательством не предусмотрено совершение прогулок, которые допускаются при применении меры пресечения в виде запрета определенных действий в порядке ст. 105.1 УПК РФ, в связи с чем доводы защитника о том, что суд необоснованно лишил обвиняемую возможности совершать прогулки, несостоятельны.[1]

Похожая позиция содержится в постановлении Кировского районного суда г. Томска. В отношении гражданина С. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, которая впоследствии неоднократно продлялась, при этом обвиняемому разрешено посещение тренажерного зала в часы ежедневных прогулок с 14 до 16 часов.

Однако, при очередном продлении срока домашнего ареста 03.12.2020 Кировский районный суд г. Томска, обсуждая вопрос о характере ограничений, указал, что, учитывая характер избранной меры пресечения, оснований для предоставления возможности прогулок суд не усматривает, поэтому разрешение на совершение ежедневных прогулок было исключено. По мнению суда апелляционной инстанции, данный вывод суда первой инстанции является обоснованным, поскольку уголовно-процессуальное законодательство предусматривает ряд обязательных условий, присущих той

[1] Апелляционное постановление Амурского областного суда № 22-К1600/2020 22К-1600/2020 от 27 августа 2020 г. по делу № 3/12-148/20. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/GygcB78eZNWy/(дата обращения 06.05.2022).

или иной мере пресечения, для домашнего ареста обязательными условиями являются запреты, предусмотренные ч. 7 ст. 107 УПК РФ, и эти требования процессуального закона судом первой инстанции выполнены. Поскольку совершение прогулок при применении меры пресечения в виде домашнего ареста к обязательным условиям домашнего ареста не отнесены, поэтому суд оставил апелляционную жалобу защитника гражданина С. без удовлетворения.[1]

Иной подход проиллюстрирован в постановлении Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики, в нем было изменено постановление Нальчикского городского суда - обвиняемому разрешено покидать жилое помещение для совершения ежедневных прогулок на придомовой территории в период времени с 11 ч 00 мин до 13 ч 00 мин. Более того, суд разрешил ему покидать место отбывания домашнего ареста на время, необходимое для медицинского обследования и получения лечения в ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД России», с предварительным уведомлением контролирующего органа.[2]

Таким образом, перед правоприменителем встаёт сложный выбор. Либо обвиняемый при домашнем аресте будет пребывать в более комфортных условиях по месту жительства, но без прогулок или выбирается мера пресечения в виде запрета определенных действий – с установлением запрета покидать жилище только в определенные периоды времени

Многие авторы придерживаются точки зрения о том, что изоляция от общества, от любых контактов с внешним миром являются обязательной характеристикой домашнего ареста. При этом в качестве аргументов данной

---

[1] Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-2466/2020 22К-2466/2020 от 24 декабря 2020 г. по делу № 1-59/2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/KHpjAUWV3bJ4/ (дата обращения 06.05.2022).

[2] Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики № 22К-690/2020 от 27 августа 2020 г. по делу № 3/4-60/2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/NVXyRCYJXzrK/ (дата обращения 06.05.2022).

позиции приводят суждения о том, что в случае посещения лицом мест, связанных с образовательной, медицинской системой, дозволение ему продолжать исполнять служебные обязанности не позволяет установить реальность исполнения меры пресечения и затрудняет контроль за ее реализацией. Например, анализируя данный вопрос Е.П. Харьковский и Н.В. Пальчикова утверждают: «…домашний арест, расположенный в перечне мер уголовно-процессуального пресечения, на стыке заключения под стражу, в первую очередь должен гарантировать изоляцию гражданина, признанного в установленном порядке подозреваемым или обвиняемым, не в изоляторе, а жилище; при этом такой гражданин должен пребывать в жилище на постоянной, а не временной основе».[1]

Как отмечает А.С. Червоткин, сторонники разрешения прогулок обвиняемому ссылаются на то, что лицо, содержащееся под домашним арестом, должно иметь равные права с лицом, содержащимся под стражей. В свою очередь, это лицо в соответствии с законом может совершать ежедневные прогулки продолжительностью не менее одного часа.[2]

На необходимость разрешать такие прогулки указывают и другие исследователи, руководствуясь принципом гуманизма. Например, О.В. Качалова отмечает следующее:[3]

1) ч. 1 ст. 107 УПК РФ не закрепляет прямого запрета на прогулки;

2) прогулки не меняют сущности домашнего ареста, заключающейся в изоляции от общества;

3) домашний арест без разрешения ежедневных прогулок может нарушать право лица на достойное обращение.

При этом разделяя подобный подход, возникает вопрос о

[1] Харьковский, Е.Л. К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста / Е.Л. Харьковский, Н.В. Пальчикова // Ius Publicum et Privatum. – 2021. – № 4(14). – С. 110.
[2] Червоткин, А.С. Новые разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам применения мер пресечения / А.С. Червоткин // Уголовный процесс. – 2020. – № 8(188). – С. 30.
[3] Качалова, О.В. Домашний арест: с прогулками или без? / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2019. – № 9(177). – С. 9.

целесообразности применения домашнего ареста как меры пресечения и ее необходимости в связи с тем, что при ее применении обвиняемый или подозреваемый может ее не соблюдать согласно смыслу, заложенному законодателем, и покидать место своего жительства. Кроме того, каким образом будут реализованы пресекательная и ограничительная функция домашнего ареста, если подозреваемый (обвиняемый) не лишается возможности общаться с внешним миром и фактически не претерпевает ограничений?

Соответственно, при наличии в теории и правоприменительной практике подобной неопределенности, необходимо закрепление позиции законодателя о правомерности установления судами в решениях о применении домашнего ареста возможности ежедневных прогулок и т.д.

Таким образом, исключив форму частичной изоляции, законодатель оставил режим исполнения домашнего ареста неопределенным. В связи с этим необходимо скорректировать ч.1 ст.107 УПК РФ, а именно закрепить в данной норме, что домашний арест заключается в нахождении подозреваемого (обвиняемого) в изоляции в жилище и при этом право на выход за его пределы у него отсутствует. Данные коррективы помогут более четко отразить позицию законодателя и практиков относительно запрета на выход из дома в случае применения домашнего ареста. Безусловно, при внесении такой законодательной новеллы положение о допустимости нахождения гражданина в медицинском учреждении при наличии соответствующих показаний должно сохраниться.

Если исходить из того, что полная изоляция обвиняемого при домашнем аресте не исключает его ежедневные прогулки, абз.2 п.40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 целесообразно сформулировать в новой редакции:

«С учетом положений части первой ст. 107 УПК РФ (в ред. ФЗ от 18.04.2018 № 72-ФЗ) к числу вопросов, подлежащих рассмотрению судом

при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, не относится разрешение подозреваемому или обвиняемому ежедневной прогулки в непосредственной близости от места исполнения меры пресечения. Судам следует иметь в виду, что право лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью не менее одного часа, обеспечивается контролирующим органом».

2.2 Вопросы избрания и исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста

Вся уголовно-процессуальная деятельность по расследованию и судебному рассмотрению уголовного дела производится в процессуальной форме, предусмотренной УПК РФ. Если говорить об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, то уголовно-процессуальную форму образуют правовые нормы, регулирующие основания, порядок избрания и применения данной меры пресечения. К сожалению, уголовно-процессуальные нормы, закрепленные в настоящее время, не совершенны и не обеспечивают в полной мере эффективное избрание и применение меры пресечения в виде домашнего ареста.

В рамках данной работы остановимся на рассмотрении отдельных моментов процедуры избрания и процедуры исполнения домашнего ареста.

Начать следует с того, что процессуальный порядок избрания домашнего ареста регулируют нормы ст. 107, 108 УПК РФ.

Избрание конкретной меры пресечения зависит от ряда учитываемых условий, чтобы ее применение не привело к злоупотреблениям и нарушению прав и свобод граждан. Нельзя недооценить значение данного шага, поскольку отсутствие надлежащих оснований для избрания и применения мер пресечения является одной из самых распространенных следственных ошибок, связанных с нарушением конституционного права на свободу и

личную неприкосновенность.

Домашний арест избирается в отношении подозреваемого (обвиняемого) для обеспечения им надлежащего поведения и предупреждения совершения им действий, предусмотренных ст.97 УПК РФ.

При избрании меры пресечения важны не только основания, но и условия, игнорирование которых может сделать применение любой меры пресечения необоснованным. По мнению Е.В. Быкадоровой: «К условиям применения мер процессуального принуждения следует отнести совокупность определенных требований юридического свойства, которые, сопутствуя основаниям, являются вспомогательными в смысле наилучшего обеспечения режима законности и гарантий прав личности при выборе конкретного вида принудительного воздействия. А вот условия избрания мер пресечения определяются как требования уголовно-процессуального закона, которые необходимо выполнить суду, следователю, дознавателю до начала, в течении и (или) по завершении применения мер пресечения». [1]

Согласно п.36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» домашний арест может быть избран в качестве меры пресечения, если невозможно применение иной, более мягкой, меры пресечения, в том числе залога и запрета определенных действий (часть 1 статьи 107 УПК РФ). [2]

Дополняя данное определение Г.М. Резник предлагает отнести к числу необходимых условий применения к обвиняемому (подозреваемому)

---

[1] Быкадорова, Е.В. Домашний арест: основания и условия избрания / Е.В. Быкадорова // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 ноября 2019 года / Составители Э.К. Кутуев, Н.В. Лантух, М.А. Макаренко, Т.Ю. Макшеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 70.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2014. - № 2.

домашнего ареста: наличие возбужденного уголовного дела о преступлении, за которое по общему правилу в качестве наиболее строгого вида наказания предусмотрено наказание в виде лишения свободы невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения, наличие во владении, пользовании и (или) распоряжении обвиняемого (подозреваемого) жилого помещения, в котором он проживает на законных основаниях.[1]

При этом, руководствуясь принципом соразмерности ограничений прав личности при применении мер процессуального принуждения тому наказанию, которое может понести обвиняемый в случае признания его виновным, Конституционный Суд РФ в одном из постановлений разъяснил, что домашний арест в принципе может быть применим лишь при условии обвинения или подозрения лица в совершении преступления (в том числе преступления небольшой тяжести), за которое в качестве наиболее строгого вида наказания может быть назначено лишение свободы, либо при наличии предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК исключительных случаев для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.[2]

Как было сказано выше, одним из необходимых условий применения домашнего ареста является место исполнения домашнего ареста. Остановимся на рассмотрении данного условия более подробно, поскольку именно оно является определяющим при избрании домашнего ареста.

В соответствии с п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» при вынесении постановления об избрании

---

[1] Резник, Г.М. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации в 2 ч. Часть 1 : учебник для вузов / Г. М. Резник [и др.] ; под общей редакцией Г. М. Резника. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – С. 411.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // Российская газета. - 04.04.2018. - № 70.

меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо указывать жилое помещение, в котором подозреваемому или обвиняемому надлежит отбывать избранную меру пресечения.

Нередко возникает вопрос, что именно законодатель подразумевает под жилым помещением. Для этого необходимо обратиться к разъяснениям Верховного Суда РФ, который указал, что под жилым помещением для целей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ понимается любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям.

Однако достаточно дискуссионным является вопрос о таких видах жилищ, как общежития и гостиничные номера. С одной стороны домашний арест может быть применен к лицу, проживающему в любом виде жилища, с другой стороны практическое использование указанных жилищ вызывает трудности с ограничением в общении с другими людьми, особенно в общежитии, в котором общими являются кухни, санузлы и т. д.[1]

Однако, при анализе правоприменительной практики выяснилось, что в некоторых судебных постановлениях местом домашнего ареста суды определяли «пределы домовладения, включающего жилой дом и земельный участок»[2] или, например, «жилой дом и придомовую территорию»[3]. В то время как в часть 1 ст. 107 УПК РФ указывает на изоляцию обвиняемого именно «в жилом помещении».

---

[1] Ильин, Д.М. Проблемные аспекты применения домашнего ареста / Д.М. Ильин // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 45. – С. 1339.

[2] Постановления Наримановского районного суда Астраханской области от 17.07.2018 по делам № 3/124/2018 и № 3/1-22/2018, от 20.07.2018 по делу № 3/1-25/2018 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Постановление Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 17.09.2018 по делу № 3/4-11/18 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Кроме того, уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность пребывания обвиняемого или подозреваемого под домашним арестом в лечебном учреждении в том случае, если на то имеются медицинские показания. Это обусловлено конституционными нормами о преимущественном положении жизни и здоровья человека в системе законодательных ценностей в России как правовом и демократическом государстве.

Применяя домашний арест, суду необходимо проверять основания владения и проживания обвиняемого (подозреваемого) в жилом помещении, нахождение в котором предполагается в случае избрания в отношении него данной меры пресечения. Например, при проживании лица в жилом помещении по договору найма следует проверить наличие договора найма жилого помещения, соответствующего требованиям ГК и ЖК, а также срок действия договора; в случае временной регистрации лица на территории РФ надлежит проверить соответствие места регистрации месту проживания лица, а также срок действия регистрации.[1]

На необходимость ответственного подхода при применении домашнего ареста делается акцент и в научной литературе, например, Д.И. Гаврилов утверждает: «Помимо установления основания для избрания домашнего ареста, а также обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, следователь, дознаватель должен дополнительно проверить регистрацию подследственного, наличие основания для его проживания в жилом помещении, а также не будет ли данная мера пресечения затруднять расследование, затрагивать права и законные интересы проживающих в том

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2014. - № 2.

же жилом помещении собственника жилья или других лиц».[1]

Достаточно дискуссионным, имеющим особое теоретическое и практическое значение, является вопрос о возможности применения домашнего ареста, при проживании обвиняемого в жилом помещении совместно с другими лицами. Это обосновано тем, что в настоящее время отсутствуют нормы, регулирующие такой процессуальный порядок исполнения домашнего ареста. Безусловно, это является существенным недостатком. Так, общепризнанно, что на нахождение подозреваемого или обвиняемого под домашним арестом должно быть получено согласие проживающих на законных основаниях в жилище совершеннолетних дееспособных лиц. Такое согласие может быть выражено в письменном виде либо может быть подтверждено указанными лицами непосредственно в судебном заседании.

По нашему мнению, такое положение необходимо закрепить нормативно. Например, в целях усовершенствования уголовно-процессуального законодательства в данной области ч.1 ст. 107 УПК РФ можно дополнить: «…На нахождение подозреваемого или обвиняемого под домашним арестом в жилище, должно быть получено согласие проживающих в нем на законных основаниях совершеннолетних дееспособных лиц…».

При этом, безусловно, необходимо учитывать обстоятельства совершенного преступления, а также характеризующие личность подозреваемого или обвиняемого. Например, в том случае, если преступление было направлено на причинение вреда здоровью лиц, проживающих совместно с обвиняемым или подозреваемым, то об избрании в отношении последних домашнего ареста не может быть и речи.

---

[1] Гаврилов, Д.И. Меры пресечения, исполняемые уголовно-исполнительными инспекциями: актуальные вопросы правоприменения / Д.И. Гаврилов // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2021. – № 4(10). – С. 26.

Вместе с тем, стоит отметить, что это не исчерпывающий перечень проблем, возникающих на практике при применении домашнего ареста. Каждый исследователь данного вопроса обращает внимание на разные нюансы. Так, например, Ш.В. Думен считает, что назначение меры пресечения в виде домашнего ареста, когда лицо проживает в жилом помещении на основании договора найма жилого помещения достаточно проблематично. Это обосновано тем, что высока вероятность столкнуться с нежеланием наймодателя предоставлять жилое помещение лицу, подвергнутому домашнему аресту, поэтому при данных обстоятельствах суды крайне редко назначают домашний арест.[1]

Таким образом, несмотря на законодательную урегулированность применения домашнего ареста, правоприменительная практика не лишена недостатков. Например, Рязанский Областной суд опубликовал обобщение судебной практики рассмотрения судами Рязанской области ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Исходя из анализа данного документа, суды г. Рязани и Рязанской области при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста не всегда проверяют основания проживания подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении, нахождение в котором предполагается в случае избрания в отношении его меры пресечения в виде домашнего ареста, мнение собственника жилья, в котором предполагается нахождение подозреваемого или обвиняемого во время домашнего ареста, не выясняется.

Так, постановлением районного суда Рязанской области от 02 ноября 2018 года в отношении А., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч.2 ст.171.3 УК РФ, избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Между тем, избирая меру пресечения в виде

[1] Думен, Ш.В. Проблемы применения домашнего ареста как меры пресечения / Ш.В. Думен // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 1. – № 8(20). – С. 65.

домашнего ареста, суд не выяснил вопрос о том, согласны ли лица, проживающие совместно с подозреваемым, на исполнение меры пресечения в виде домашнего ареста по месту их жительства. Кроме того, судом не установлен собственник жилого помещения.[1]

Итак, в соответствии с п. 13 ст. 5 УПК РФ, избрание меры пресечения – принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого. Соответственно следователь, в случае установления в материалах уголовного дела достаточной совокупности фактических данных, позволяющих полагать, что подозреваемый, обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, при установлении наличия общих и специальных условий для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, выносит с согласия руководителя следственного органа постановление о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Помимо следователя, возбуждать перед судом ходатайство об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения в виде домашнего ареста вправе и дознаватель с согласия прокурора.

Анализ статистических данных показывает увеличение применения домашнего ареста в ходе уголовного судопроизводства. Это указывает на то, что органы предварительного следствия более активно выносят ходатайства, собирают необходимые материалы для избрания меры пресечения в виде

[1] Обобщение судебной практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (ст.107 УПК РФ) и запрета определенных действий (ст.105.1 УПК РФ). Сайт Рязанского областного суда. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://oblsud.riz.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=102/ (дата обращения: 08.05.2022 г.).

домашнего ареста и предоставляют их в суд.

Кроме того, заявить ходатайство об избрании домашнего ареста может как сам подозреваемый или обвиняемый, так и его защитник, но при условии, если орган предварительного расследования возбуждает перед судом ходатайство об избрании в отношении такого лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Помимо этого, в настоящее время, как показывает практика, все чаще домашний арест избирается судом самостоятельно, при отказе в удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя) о заключении лица под стражу или продлении срока содержания под стражей, иными словами, если сочтет, что оснований для заключения лица под стражу не имеется.

При избрании меры пресечения в виде домашнего ареста суду надлежит устанавливать обстоятельства того, каким образом лицо будет отбывать указанную меру пресечения, сможет ли оно обеспечить себя всем необходимым самостоятельно.

Весьма очевидно, что в ситуации, когда лицо, к которому применен домашний арест, проживает в одиночестве в жилом помещении, оно не имеет возможности покинуть жилое помещение для того, чтобы приобрести продукты питания и предметы первой необходимости.

Так, например, суд первой инстанции, при рассмотрении ходатайства следователя об избрании гражданину М. меры пресечения в виде домашнего ареста суд, придя к выводу, что обвиняемый в браке не состоит, семьей и иждивенцами не обременен, не исследовал вопрос, кто сможет обеспечить жизнедеятельность обвиняемого во время его полной изоляции в жилом помещении, каких-либо данных относительного этого в материалах, представленных следователем, не содержалось. Допущенные судом первой инстанции существенные нарушения требований УПК РФ повлекли отмену

судебного решения с вынесением нового решения.[1]

Из настоящего примера можно сделать вывод, что как при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, так и при возможном изменении возложенных запретов суду надлежит устанавливать обстоятельства того, каким образом лицо будет отбывать указанную меру пресечения, сможет ли оно обеспечить себя всем необходимым самостоятельно или при помощи третьих лиц.

Даже, несмотря на то, что в 2022 году широкое распространение получила онлайн-доставка продуктов питания, лекарственных средств, может возникнуть следующая проблема – отсутствие доступа в Интернет у лиц, к которым применен домашний арест. Таким образом, стоит сказать, что при данных обстоятельствах механизма реализации домашнего ареста нет и его крайне сложно сформировать.

Рассмотрев ходатайство следователя или дознавателя об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, суд может принять решение и об отказе в удовлетворении данного ходатайства. К примеру, постановлением районного суда от 12 марта 2019 года отказано в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении Ю., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 30 ст.106 УК РФ. Доводы следователя о том, что Ю., находясь на свободе, может скрыться от органов следствия и суда, уничтожить доказательства и оказать воздействие на участников уголовного судопроизводства, не нашли своего подтверждения в судебном заседании. Между тем, Ю. имеет постоянное место жительства, на её иждивении находятся 2-е малолетних детей, проживает с Г., который является отцом ее детей, т.е. у подозреваемой прочные социальные связи. Ранее Ю. к уголовной

[1] Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 23 ноября 2018 года № 10-6209/2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://satka.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=975(дата обращения 08.05.2022).

ответственности не привлекалась, фактически является единственным кормильцем в семье, поскольку ее гражданский муж официально не трудоустроен и постоянного источника дохода не имеет. Безусловно, учитывая данные обстоятельства, избрание Ю. меры пресечения в виде домашнего ареста нецелесообразно, поскольку поставило бы семью, в том числе 2-х малолетних детей, в тяжелое материальное положение.[1]

Постановление суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения направляется лицу, возбудившему соответствующее ходатайство, прокурору, контролирующему органу по месту отбывания домашнего ареста, обвиняемому (подозреваемому) и подлежит немедленному исполнению (ч. 6 ст. 107 УПК).

Резюмируя сказанное, следует признать, что процессуальный порядок избрания, назначения и применения домашнего ареста имеет множество нюансов, которые обязательно должны учитываться правоприменителем. Лишь строгое следование букве закона способно повысить эффективность применения домашнего ареста, а также не допустить нарушение законных прав подозреваемого или обвиняемого.

2.3 Проблемные аспекты контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избран домашний арест

При принятии судом решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста формируются и реализуются не только новые правовые отношения, но и развиваются или приобретают новые качества уже имеющиеся правоотношения. Так, у подозреваемого, обвиняемого возникают

[1] Обобщение судебной практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (ст.107 УПК РФ) и запрета определенных действий (ст.105.1 УПК РФ). Сайт Рязанского областного суда. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://oblsud.riz.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=102/ (дата обращения: 08.05.2022 г.).

новые обязанности: находиться в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, соблюдать наложенные на него запреты. Соответственно, возникают права и обязанности у контролирующего органа, следователя, дознавателя по осуществлению контроля за соблюдением подозреваемым, обвиняемым меры пресечения и наложенных судом запретов.

Надо сказать, что в работе с подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избран домашний арест, задействован широкий круг субъектов уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношений. Контроль за исполнением ими возложенных судом запретов осуществляется сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций.

Согласно официальным данным ФСИН России, по состоянию на 31 декабря 2021 г. на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ) состоял 7697 подозреваемый (обвиняемый), в отношении которого в качестве меры пресечения был избран домашний арест (в 2019 г. - 6709 чел., увеличение на 988 чел., или 15 %; в 2018 г. - 6614 чел., увеличение на 1307 чел., или 16,5 %). Соответственно, колебание данных значений свидетельствует о расширении с каждым годом рассматриваемой категории правонарушителей.[1]

Следует начать с изучения нормативной базы. Если УПК был принят еще в 2001 году, то первый межведомственный приказ, регламентирующий порядок работы сотрудников правоохранительных органов по контролю за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, вступил в силу лишь в 2016 г. Соответственно, до этого момента сотрудники УИИ при работе с обвиняемыми и подозреваемыми использовали в

[1] Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Сайт Федеральной службы исполнения наказания. [Электронный ресурс] // Режим доступа:https://fsin.gov.ru/statistics/ (дата обращения: 08.05.2022 г.).

своей деятельности методические рекомендациями ФСИН России, которые для сотрудников других ведомств юридической силы не имели. Дальнейшее развитие законодательства в данной области произошло 31 августа 2020 г. в связи с введением в УПК РФ меры пресечения в виде запрета определенных действий, а также иными изменениями в законодательстве (например, ФСКН России вновь вступил в ряды МВД России) был разработан новый приказ, определяющий порядок контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, - приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК РФ № 87, ФСБ России № 371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог».

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что на протяжении долгого периода времени в Российской Федерации не было нормативно-правового акта, который бы детально регламентировал порядок работы сотрудников УИИ по контролю за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Подобное положение дел не могло не вызвать практических проблем, на рассмотрении которых мы остановимся более подробно.

Особого внимания заслуживает контроль за соблюдением режима изоляции, а именно за выходом за пределы жилого помещения. Его исполнение фиксируется с помощью технических средств контроля. Изучив информацию о разных видах оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее - СЭМПЛ), можно прийти к выводу, что целесообразно применять как стационарное контрольное устройство, чтобы знать, когда лицо выходит за пределы места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, так и мобильное контрольное

устройство, чтобы можно было проследить маршрут движения обвиняемого в период его отсутствия по месту жительства. Однако, уже на данном этапе возникают сложности, поскольку не все филиалы УИИ достаточно технически укомплектованы. В этой связи особо интересно исследование Ю.В. Юровой, которая делает акцент на отсутствие оборудования (даже одного комплекта), чтобы применять их ко всем подозреваемым и обвиняемым, состоящим на учете в УИИ. Кроме того, в рамках своей работы она провела исследование путем наблюдения и свободного опроса десяти сотрудников, проходящих службу на различных должностях в филиалах уголовно-исполнительных инспекций разных территориальных органов. По результатам опроса, факт отсутствия необходимого количества оборудования СЭМПЛ в филиалах УИИ подтвердили 9 из 10 опрошенных сотрудников.[1]

Как уже было отмечено ранее, применение домашнего ареста особо затруднительно при проживании с лицом иных лиц. На практике зачастую возникают ситуации отказа лиц, проживающих совместно с обвиняемым, которому избрана мера пресечения в виде домашнего ареста на установку оборудования СЭМПЛ. При возникновении подобных ситуаций у сотрудников УИИ нет возможности осуществления контроля за ограничениями и запретами, возложенных на обвиняемого или подозреваемого, однако постановление суда обязательно для исполнения.

Нет ясности и в запрете на отправление и получение почтово-телеграфных отправлений. В качестве меры обеспечения контроля за его исполнением сотрудники УИИ направляют соответствующую информацию в главное отделение акционерного общества «Почта России» в пределах муниципального образования. Однако практически невозможно гарантировать, что обвиняемый не отравит нужное ему письмо от имени род-

[1] Юрова, Ю.В. Проблемные вопросы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста / Ю.В. Юрова // Ius Publicum et Privatum. – 2021. – № 5(15). – С. 77.

ственника, проживающего совместно с ним.

Далее рассмотрим запрет на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Стремительное развитие технологий является насущной проблемой применения домашнего ареста, следствием чего является невозможность полностью контролировать реализацию запрета использования средств связи. В настоящее время создано огромное количество мессенджеров, позволяющих передавать информацию, недоступную даже правоохранительным органам. Сюда можно отнести так называемый «Даркнет», который работает на основе постоянного изменения IP-адреса, что не представляет возможным установить как самого пользователя, так и место его нахождения. Д.В. Галкин, анализируя данный вопрос, указывает на то, что в этом случае выглядит разумным составлять опись устройств, с которых может быть осуществлен доступ в сеть Интернет, с уведомлением операторов мобильной связи, либо провайдера о возложенных ограничениях. В свою очередь, они смогут технически ограничить предоставляемый трафик, что исключит возможность выхода в сеть.[1]

Кроме того, на первый взгляд может показаться разумной идея отключения услуг провайдера. Но не стоит забывать, что, как правило, подозреваемые и обвиняемые проживают совместно с родственниками: родителями, супругом или супругой, детьми, в отношении которых постановлением суда никаких запретов не установлено. Сотрудники УИИ не имеют полномочий требовать от родственников обвиняемого (подозреваемого) отключения Интернета в жилом помещении, которое определено в качестве места исполнения домашнего ареста. Кроме того,

[1] Галкин, Д.В. Проблема применения домашнего ареста в российском уголовном процессе / Д.В. Галкин, Д.В. Кукушкин // Эволюция российского права : Материалы XVIII Заочной международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 30 апреля 2020 года / Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2020. – С. 198.

важно отметить, что от обвиняемого (подозреваемого), в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, сотрудники УИИ требовать отключения Интернета также не имеют права, они обязаны контролировать лишь исполнение запрета на использование подучетными лицами. Таким образом, контроль за данным запретом нельзя назвать эффективным, а скорее весьма формальным.

Как известно, сотрудники УИИ не входят в круг уполномоченных государственных органов, наделенных функционалом для проведения оперативно-розыскной деятельности и следственных действий, в связи с чем интересующая информация операторами связи не может быть им предоставлена.

Соответственно, при данных обстоятельствах, перспективным решением в части организации контроля за исполнением выше-перечисленных запретов является их осуществление в рамках Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Так, согласно от. 6 данного закона оперативно-розыскные мероприятия, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров, проводятся с использованием оперативно-технических сил и средств органов ФСБ России и МВД России в порядке, определяемом межведомственными нормативными актами или соглашениями между органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.[1] В настоящее время, однако, такого рода межве-домственные нормативные правовые акты на федеральном уровне отсутствуют. Кроме того, в очередной раз следует подчеркнуть, что мероприятия по организации контроля за обвиняемыми и подозреваемыми, проводимые сотрудниками УИИ, не относятся к оперативно-розыскным.

[1] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. - 14.08.1995. - № 33. - ст. 3349.

Необходимо проанализировать и запрет на общение с определенными лицами. Конечно, для осуществления контроля в данном случае от органов предварительного следствия требуется своевременная и полная информация о лицах, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещено общаться (как минимум фамилия, имя, отчество, номер телефона, место проживания). При этом даже наличие указанных сведений не гарантирует, что контроль будет осуществлен в полном объеме. Конечно, при каждой проверке обвиняемого по месту исполнения домашнего ареста у него необходимо уточнять информацию по факту взаимодействия с лицами, с которыми ему запрещено общаться. Как правило, мало кто из подучетных лиц признается в допущенном им нарушении, способном повлечь замену меры пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу. Если сотрудники УИИ самостоятельно будут обращаться за информацией к лицам, нельзя исключить ситуацию, когда соучастник преступления не захочет признаваться в общении со своим сообщником. Кроме того, сотрудники органов, осуществляющих расследование уголовных дел, не всегда своевременно предоставляют в УИИ необходимые и полные сведения как об обвиняемых (подозреваемых), так и об иных фигурантах уголовного дела. Данный факт является важным обстоятельством с точки зрения осуществления контроля за исполнением вышеуказанного запрета.

Помимо тех, о которых речь шла выше, на практике могут возникнуть и другие проблемные ситуации. Как уже было сказано ранее, в п.37 постановления Пленума Верховного Суда РФ №41 говорится о необходимости проверки оснований проживания подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении, нахождение в котором предполагается в случае избрания в отношении его меры пресечения в виде домашнего ареста,

в том числе с исследованием соответствующих документов.[1]

Однако, иногда возникают ситуации, когда суд определяет место проживания обвиняемого (подозреваемого) с его слов. Данная информация в ходе судебного заседания не проверяется, и, как правило, при вынесении постановления судья определяет местом исполнения домашнего ареста тот адрес, который обвиняемый указал в начале судебного заседания. Когда же сотрудники УИИ доставляют лицо в место исполнения меры пресечения, то может оказаться, что в квартире элементарно отсутствует электричество, что препятствует применению оборудования СЭМПЛ, являющегося основным средством, помогающим сотрудникам УИИ контролировать подучетных лиц. В этой связи интересен следующий практический пример, опубликованный в исследовании Ю.В. Юровой. Так, в качестве места исполнения домашнего ареста обвиняемой К. был установлен частный дом, в котором отсутствовали не только электричество, но и окна, двери, крыша. В срочном порядке сотрудниками инспекции в суд были направлены документы для решения вопроса об изменении места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. Данная проблема возникла в связи с тем, что суд определил местом исполнения меры пресечения место регистрации обвиняемой, а не место ее жительства. Позже сотрудниками УИИ было установлено, что по адресу регистрации обвиняемой были зарегистрированы более 20 чел., дом при этом был непригоден для проживания.[2]

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что на практике при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста, следователем, дознавателем, судом не в полном объеме выполняются рекомендации Верховного суда, что создает дополнительные трудности для сотрудников

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2014. - № 2.

[2] Юрова, Ю.В. Проблемные вопросы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста / Ю.В. Юрова // Ius Publicum et Privatum. – 2021. – № 5(15). – С. 78.

УИИ при осуществлении контроля за ограничениями и запретами, установленными судом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодательный инструментарий, предоставленный сотрудникам УИИ для работы с подозреваемыми и обвиняемыми, является недостаточным и малоэффективным. В целях решения проблем, возникающих у сотрудников УИИ при работе с обвиняемыми (подозреваемыми), в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, можно предложить следующее:

— закрепить на федеральном или региональном уровнях порядок взаимодействия сотрудников УИИ и оперативных подразделений МВД России и ФСБ России по организации контроля за запретами на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», отправление и получение почтовотелеграфных отправлений;

— дополнить Порядок контроля № 189/603/87/371 от 31.08.2020 определением алгоритма действий сотрудников УИИ по контролю за тем или иным запретом с четким определением периодичности данных действий и расширением полномочий сотрудников УИИ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие гуманистических и демократических начал в уголовном судопроизводстве требует обращения к тем мерам и средствам принуждения, которые, с одной стороны, преследовали цель реализации назначения уголовного судопроизводства, с другой – в наименьшей степени ограничивали бы права и свободы личности. Это особенно актуально по отношению к такой мере пресечения, как домашний арест.

Данная работа была направлена на систематическое исследование института домашнего ареста путем анализа законодательства и научных трудов по данному вопросу, а также выявление существующих проблем правового регулирования на практике и поиска оптимальных способов их решения.

В первой главе на основе историко-правового обзора норм изучена эволюция института домашнего ареста в российском государстве. Можно сказать, что термин «домашний арест» начал прочно закрепляться в отечественном законодательстве еще в XIX. Первоначально существование домашнего ареста обусловлено наличием официально признанного социального неравенства, что определяло его небогатую практику, а также позволяло государству не считаться с большими затратами на его реализацию. Дальнейшее исключение домашнего ареста в период с 1960 по 2001 год из перечня мер пресечения было вполне объективным, так как в 1917 г. упразднено официальное социальное неравенство, что вместе с высокими затратами на реализацию данной меры пресечения свело практику ее применения к минимуму. В настоящее время домашний арест является эффективной, динамично развивающейся и широко применяемой мерой пресечения, что продиктовано ее актуальностью в свете проводимых реформ в качестве основной альтернативы заключению под стражу.

Во второй главе рассмотрена практическая составляющая научного исследования, а именно вопросы избрания, назначения и исполнения домашнего ареста, кроме того, проанализирована судебная практика по данной теме. Любая мера пресечения эффективна, если за ее исполнением установлен тщательный контроль со стороны соответствующих органов. Поэтому отдельным аспектом исследования в данной работе был контроль уголовно-исполнительных инспекций за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых избран домашний арест.

Таким образом, проанализировав законодательство и научную литературу, можно выделить следующие отличительные признаки домашнего ареста:

— он относится к группе физически-принудительных мер пресечения;

— является более мягкой мерой пресечения, чем заключение под стражу, но более строгой, чем запрет определенных действий;

— избирается только судом;

— применяется в отношении подозреваемых и обвиняемых;

— применение не ограничено категориями преступлений и социальным положением обвиняемого (подозреваемого);

— предусматривает осуществление контроля за соблюдением запретов и ограничений;

— индивидуальной особенностью домашнего ареста является существенное ограничение личной свободы с сохранением права проживать в собственном жилище, в котором обвиняемый (подозреваемый) проживает в качестве собственника, нанимателя или на иных законных основаниях.

По нашему мнению, на основе проведенного анализа, необходимо систематически совершенствовать законодательство Российской Федерации в сфере института домашнего ареста. Данные положения могут быть реализованы следующими способами.

Необходимо закрепить в ч.1 ст.107 УПК РФ, что домашний арест предполагает полную изоляцию, то есть заключается в нахождении подозреваемого (обвиняемого) в изоляции в жилище и при этом право на выход за его пределы у него отсутствует.

Кроме того, целесообразно дополнить абз.2 п.40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, где будет освещен вопрос о возможности осуществления ежедневных прогулок.

Проблемным является вопрос о том, каков порядок исполнения домашнего ареста в жилом помещении, в котором подозреваемый, обвиняемый проживает с другими лицами. Мы считаем, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ необходимо дополнить нормой, предусматривающей получение согласия иных лиц на нахождение подозреваемого или обвиняемого под домашним арестом в этом жилом помещении.

При определении эффективности использования домашнего ареста значимым выступает вопрос о гарантиях надзора за конкретным гражданином, обладающим уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, со стороны специального государственного органа, коим является уголовно-исполнительная инспекция. Данный контроль служит важнейшей юридической гарантией для заинтересованных субъектов уголовного судопроизводства.

Необходима разработка новых технологичных средств по контролю за обвиняемыми (подозреваемыми), а именно современных систем видеонаблюдения, блокировки мобильных устройств, а также дальнейшее совершенствование законодательства в области полномочий сотрудников УИИ при осуществлении контроля за лицами, в отношении которых избран домашний арест.

Безусловно, институт домашнего ареста – обширная тема для научного исследования, поскольку она пронизывает десятки аспектов избрания и

применения данной меры пресечения, а также включает в себя множество теоретических и практических нюансов. Именно поэтому данная работа не была направлена на освещение и разрешение всех проблем, связанных с домашним арестом. Так, остались не изучены такие вопросы как: сроки домашнего ареста, основания его продления, отмены, замены домашнего ареста на иные меры пресечения и т.д.

Таким образом, проведённый выше анализ раскрывает сложность и большое количество аспектов и проблем института домашнего ареста в уголовном процессе Российской Федерации. Однозначно, данная тема нуждается в дальнейшем ее исследовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 01.07.2020. - № 31. - ст. 410.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - ст. 4921.

4. Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Собрание законодательства РФ. - 23.04.2018. - № 17. - ст. 2421.

5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. - 14.08.1995. - № 33. - ст. 3349.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021 г.) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. - 25.08.1999 г. - № 28-29. - ст. 433.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2022 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. - 04.06.2014. -№ 15-II (2664-II). - ст. 88.

8. Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // Собрание законодательства Российской Федерации. -25.02.2013. - № 8. - ст.838.

9. Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.09.2020 № 59635) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru. - 04.09.2020.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2014. - № 2.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // Российская газета. - 04.04.2018. - № 70.

12. Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики № 22К-690/2020 от 27 августа 2020 г. по делу № 3/4-

60/2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/NVXyRCYJXzrK/ (дата обращения 06.05.2022).

13. Апелляционное постановление Амурского областного суда № 22-К1600/2020 22К-1600/2020 от 27 августа 2020 г. по делу № 3/12-148/20. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/GygcB78eZNWy/ (дата обращения 06.05.2022).

14. Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-2466/2020 22К-2466/2020 от 24 декабря 2020 г. по делу № 1-59/2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/KHpjAUWV3bJ4/ (дата обращения 06.05.2022).

15. Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 23 ноября 2018 года № 10- 6209/2018 . [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://satka.chel.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=975 (дата обращения 07.05.2022).

16. Постановления Наримановского районного суда Астраханской области от 17.07.2018 по делам № 3/124/2018 и № 3/1-22/2018, от 20.07.2018 по делу № 3/1-25/2018 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

17. Постановление Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 17.09.2018 по делу № 3/4-11/18 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Научная и учебная литература

18. Ахминова, Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 /Ахминова Юлия Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2017. – 181 с.

19. Белоусов, А.Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской

федерации: дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Белоусов Александр Евгеньевич. – Ижевск, 1995. – 147 с.

20. Рудич В.В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. … док. юрид. наук: 12.00.09 / Рудич Валерий Владимирович. – Екатеринбург, 2020. – 538 с.

21. Божьев, В.П. Уголовный процесс : учебник для вузов / В.П. Божьев [и др.] ; под редакцией В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 568 с.

22. Диваев, А.Б. Меры пресечения в уголовном процессе: теоретические основы / А.Б. Диваев. – Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – 144 с.

23. Кутуев, Э.К. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019 – 583 с.

24. Наумов, А.В. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник для вузов / А.В. Наумов [и др.] ; ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 499 с.

25. Резник, Г.М. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / Г.М. Резник [и др.] ; под общей редакцией Г.М. Резника. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 457 с.

26. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 703 с.

27. Чельцов-Бебутов, М.А. Советский уголовный процесс : учебник для юридических высших учебных заведений / М. А. Чельцов-Бебутов. – Москва : РГБ, 2007. – 628 с.

Публикации в научных журналах, сборниках и СМИ

28. Барабаш, А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе / А.С. Барабаш // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №12. – С. 184-190.

29. Быкадорова, Е.В. Домашний арест: основания и условия избрания / Е.В. Быкадорова // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 ноября 2019 года / Составители Э.К. Кутуев, Н.В. Лантух, М.А. Макаренко, Т.Ю. Макшеева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 69-74.

30. Воронов, Д.А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения / Д.А. Воронов // Российский судья. – 2016. – № 3. – С. 21-25.

31. Гаврилов, Д.И. Меры пресечения, исполняемые уголовно-исполнительными инспекциями: актуальные вопросы правоприменения / Д.И. Гаврилов // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2021. – № 4(10). – С. 23-28.

32. Галкин, Д.В. Проблема применения домашнего ареста в российском уголовном процессе / Д.В. Галкин, Д.В. Кукушкин // Эволюция российского права: Материалы XVIII Заочной международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 30 апреля 2020 года / Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2020. – С. 198.

33. Гапонова, В.Н. Домашний арест обвиняемого (подозреваемого) : полная изоляция и право на прогулку / В.Н. Гапонова, В.А. Виноградова // Уголовная юстиция. – 2020. – № 16. – С. 43-46.

34. Горбатых, И.М. О сущности и правовой природе домашнего ареста: исторический и современный аспекты / И.М. Горбатых // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2021. – № 3. – С. 90-97.

35. Гричаниченко, А.В. Запрет определенных действий и домашний арест / А.В. Гричаниченко // Уголовное право. – 2019. – № 6. – С. 97-103.

36. Думен, Ш.В. Проблемы применения домашнего ареста как меры пресечения / Ш.В. Думен // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 1. – № 8(20). – С. 65-69.

37. Загвоздкин, Н.Н. Запрет определенных действий анализ правоприменительной практики / Н.Н. Загвоздкин, С.А. Кузора // Закон и право. – 2018. – № 12. – С. 84-86.

38. Ильин, Д.М. Проблемные аспекты применения домашнего ареста / Д.М. Ильин // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 45. – С. 1336-1346.

39. Качалова, О.В. Домашний арест: с прогулками или без? / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2019. – № 9(177). – С. 9.

40. Корнякова, М.В. Соотношение домашнего ареста и запрета определённых действий: проблема эффективности новой меры пресечения / М.В. Корнякова // Альманах молодого исследователя. – 2021. – № 10. – С. 71-75.

41. Манова, Н.С. О соотношении оснований и целей применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве / Н.С. Манова, А.И. Шестерикова // Право. Законодательство. Личность. – 2014. – № 2(19). – С. 59-63.

42. Миронова, А.В. Вопросы ограничения личной свободы в связи с применением домашнего ареста / А.В. Миронова // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 10. – С. 104-108.

43. Попова, Л.Н. История развития домашнего ареста как меры пресечения / Л.Н. Попова // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 84-89.

44. Рогава, И.Г. Актуальные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе / И.Г. Рогава, Ф.С. Махмудова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 1-2. – С. 172-175.

45. Рудич, В.В. О современной системе мер уголовно-процессуального принуждения - мер пресечения / В.В. Рудич // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 3. – С. 25-31.

46. Савчук, Т.А. Эволюция уголовно-процессуальных норм и научных представлений о домашнем аресте / Т.А. Савчук // Эволюция государства и права: история и современность : Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 25–27 мая 2017 года / Ответственный редактор С.Г. Емельянов. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2017. – С. 445-449.

47. Смирнова, О.В. Определение понятия «меры пресечения» в уголовном процессе / О.В. Смирнова, М.Г. Янин // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 5. – № 2. – С. 35-38.

48. Соколов, Е.С. Понятие, виды и классификации мер пресечения в уголовном судопроизводстве России / Е.С. Соколов, В.С. Им // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 10-2(37). – С. 158-160.

49. Харьковский, Е.Л. К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста / Е.Л. Харьковский, Н.В. Пальчикова // Ius Publicum et Privatum. – 2021. – № 4(14). – С. 109-112.

50. Червоткин, А.С. Новые разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам применения мер пресечения / А.С. Червоткин // Уголовный процесс. – 2020. – № 8(188). – С. 24-30.

51. Шадрин, В.С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения / В.С. Шадрин // Криминалистъ. – 2012. – № 1(10). – С. 45-51.

52. Юрова, Ю.В. Проблемные вопросы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста / Ю.В. Юрова // Ius Publicum et Privatum. – 2021. – № 5(15). – С. 75-80.

Источники на электронных носителях:

53. Архивные данные судебной статистики. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id= (дата обращения: 01.05.2022 г.).

54. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Сайт Федеральной службы исполнения наказаний. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS (дата обращения: 01.05.2022 г.).

55. Обобщение судебной практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (ст.107 УПК РФ) и запрета определенных действий (ст.105.1 УПК РФ). Сайт Рязанского областного суда. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://oblsud.riz.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=102/ (дата обращения: 08.05.2022 г.).

56. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год. Сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120 (дата обращения: 20.04.2022 г.).

57. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Сайт Федеральной службы исполнения наказания. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://fsin.gov.ru/statistics/ (дата обращения: 08.05.2022 г.).